

Tempora mutantur – неофициальный девиз нашей Школы исторических наук, строчка строгого римского маюскула у ног истфаковской вороны. Удивительно, как сумели мы, шесть лет назад, проучившись всего несколько месяцев, так верно почувствовать и облечь в малопонятные тогда латинские слова сам дух нашего факультета. Именно такой, постоянно меняющейся, я запомнила нашу бакалаврскую программу. В течение всех четырех лет обучения меня не покидало ощущение, что вокруг нет ничего постоянного. Только несколько знакомых еще с первого курса преподавателей и загадочный декан, с которым я сталкивалась в первое время так редко, что его появление чаще всего знаменовало очередную «беседу о посещаемости» (надо сказать, наш набор отличался фантастически низкой посещаемостью в сочетании с полным равнодушием прогульщиков к наказаниям и увещаниям).

Но, несмотря на все попытки администрации и преподавателей проявлять строгость, мы все равно были их балованными детишками – первый набор, где каждого знали в лицо. Нас было так мало (чуть больше сорока), а преподавательский состав подобрался такой сильный, что, казалось, мы учимся в пушкинском Лицее или в одном из элитных британских колледжей. Через год, когда общее число студентов перевалило за сотню, настали уже совсем другие времена, по-настоящему университетские. Не лучше и не хуже, просто другие: шумные и независимые. Преподаватели все еще помнили нас лучше остальных, но уже не могли уделять нам столько времени, как раньше.

Среди всех изменений, постоянно происходивших на факультете, эта постепенная смена атмосферы была, вероятно, самым неуловимым. Гораздо острее ощущались, по крайней мере, для меня, перемены в программе и преподавательском составе. Любовно продуманная основателями факультета, на практике наша программа обучения постоянно переделывалась на живую нитку. А затем проводилась «работа над ошибками»: изменения, улучшения вносились одно за другими. В итоге уже через год мы мало что могли посоветовать нашим младшекурсникам: предметы, преподаватели, задания – все было другим.

Что касается воспоминаний собственно об учебе, бешенный ритм наших занятий сделал свое черное дело: память сохранила только несколько ярких впечатлений первых месяцев учебы. Затем череда лекций, семинаров, заданий и ночных бдений над книгами сливаются в общую массу напряженной работы и недосыпов. Пусть наша программа не была такой сложной, как, по слухам, у экономистов или международных, мы вполне поддерживали репутацию Вышки – сложного университета, рекордсмена по отчислениям.

На четвертом году нашего обучения истфак сменил название, а сейчас, еще через два года – переехал. Преподавательский состав изменился практически полностью, не говоря

уже о самой бакалаврской программе обучения. Но я стараюсь не поддаваться ностальгии, ведь, изначально, все и было задумано именно так: времена меняются, и мы меняемся вместе с ними.